

... Многообразии моделей, предлагаемых для понимания различных аспектов поведенческих нарушений, именуемых зависимостями — терминология, которой самой по себе не хватает единогласия — кажется, бросает вызов любой попытке объединения теории. В последней монографии были детально рассмотрены и выделены данные более чем 17 крупных групп теоретических подходов. [1] Привычная же классификация выделяет только 4 группы, в соответствии с антропологическим подходом, который основывается на этиологии и базовых механизмах, а именно: биологические, физиологические, социологические или духовные. Однако существует определенный парадокс: фактически, вся теория зависимостей зиждется на биологии, но область терапии все больше вдохновляется восточной духовностью, которая рассматривается как нечто целостное и всеобъемлющее. В дальнейшем я предлагаю рассматривать зависимости с точки зрения учения Святых Отцов о страстях.

Подобный подход является удобным вариантом с точки зрения генеалогии идей, но вряд ли в наши дни ему уделяется должное внимание. Порок, прародитель зависимости, все еще используется в качестве толкования, однако, он дискредитирован наукой. Тот факт, что различные науки не пересекаются с далеким мыслительным происхождением связан с их развитием внутри западного христианства, хотя позже они ушли в отчуждение, забывая и игнорируя Православие. Вот почему генеалогия не связывает науку о зависимостях с Православием. Самый легкий способ найти эту связь — противопоставить эти две точки зрения. Эта задача уже практически была поставлена в контексте того, что мы называем «Православная психотерапия» — в качестве восстановления Православной духовности как для простых верующих, так и для отдельных клинических случаев — но в основном в терапевтической области, т.к. душепопечение восходит к аскетической традиции Церкви. (С. Зорин, Е. Проценко, Д. Авдеев, В. Термос, Ф. Фарос, А. Августидис, А. Вужисич, С. Мьюз, А. Трейдер, Дж. С. Ларчет, С. Кук, и др.) Так же существуют важные теоретические демарши, сформулированные во время современных исследований святоотеческой литературы, где особое внимание уделяется аскетизму. Данная работа призвана внести вклад в развитие понимания этой традиции и в некотором роде упростить столкновение оной с научной системой наших дней. Я ссылаюсь на труды Святого Максима Исповедника, одного из известнейших Отцов Церкви, которые являются монументальным синтезом Византийского богословия. [2] Страсти и добродетели вездесущи и их не счесть. Ниже приводятся упрощенная трактовка и основные выдержки. Но сначала высказывания научных авторитетов:

«Существенной особенностью расстройства, вызываемого употреблением психоактивных веществ, является совокупность когнитивных, поведенческих и физиологических симптомов, указывающих на то, что индивид продолжает употреблять вещество, несмотря на значительные проблемы, связанные с ним». [3] И «зависимость — это первичное хроническое заболевание мозга, характеризующееся нарушением работы его отделов, отвечающих за удовольствие, мотивацию, память и родственные связи. Дисфункция мозговых центров приводит к характерным биологическим, психологическим, социальным

и духовным манифестациям. Индивид пребывает в состоянии патологической тяги к получению удовольствия и/или облегчения от употребления психоактивного вещества, а также в других навязчивых состояниях». [4]

Отличительной особенностью вышеприведенных определений является их сила, и слабость человека, который находится в зависимости от них. Отношения между произвольным и непроизвольным являются, пожалуй, наиболее важной богословской, философской и нравственной проблемой в наркологии. С самого начала христианство раскрывает это апористическое суждение в знаменитом «heteros nomos» (гетерономия, другой закон) (Рим.7:23, ср. Мк. 14:38) Грех и страсть порабащают — повсеместное явление в нашей традиции. “Раб страстей”, описанный Преподобным Максимом, [5], который выделил основные принципы детального исследования этиологии и феноменологии (страстей). [6] Так где же находится зло и что есть сила зла? [7] В самых лаконичных высказываниях Святого Максима мы фактически постигаем всю суть его антропологии:

...

Эмоции (*pathe*), возникающие под давлением острого желания и усердия получить желаемое, играют здесь решающую роль. Часть из них те, что отвечают за физиологическое состояние (например голод/жажда, сытость; усталость и бодрость после отдыха); другая же часть выражает душевную наполненность или опустошенность. Основные пары: желание (*epithumia, pothos*, предвкушение добра) и тяга (*hedone*, переживание добра), страх (*phobos*, ожидание зла) и боль (*odune*, переживание зла) (ВкФ1). Если рассматривать непорочность как непроизвольную и неотъемлемую часть био-психо-социальной адаптации в условиях выживания, эмоции обнажают пространственно-временную уязвимость и восприимчивость этой системы. В лучшем случае они позволяют нам отличать «хорошее» от «плохого», но только субъективно и только в контексте человеческой логики выживания. (ВкФ 43). В худшем же случае человек начинает зависеть от своих ощущений и размышлений о целостности, которые удовлетворяют или мы так думаем, что они (размышления) удовлетворяют наши внутренние существующие или возникающие потребности. Во всех случаях, жажда Божьего отходит на второй план или же вообще теряется в заботах и повседневной суете. (ВкФ 5, 21, 26; *Amb8*). ...